

ШЕСТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ

Куликова Юлия

Юлия Куликова

ШЕСТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ

<https://litres.ru/73979718>

SelfPub; 2026

Аннотация

2147 год. Коллапс Близорукости позади. Мир сохраняют Четвёртый Женевский Протокол и Департамент Перспективной Этики (ДПЭ). Квантовый трибунал просчитывает миллиарды веток будущего. Агенты с нейроинтерфейсом «Цифровая Эмпатия» проживают все риски, с которыми могут столкнуться будущие поколения, и если закон вредит потомкам в 60% сценариев — применяют вето. Цена — собственное «я» агентов, поэтому их называют «труппами с отсрочкой».

Артём Келлер — один из них. Он должен проверить проект «Заря». Трибунал выдал вероятность катастрофы в 62%. Девять агентов уже проголосовали за вето. Но в глубоком погружении Артём видит не только ожидаемый ад, но и зелёный луг, голубое небо, смеющегося мальчика Ники. Но этого не может быть.

Юлия Куликова

ШЕСТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ

Шестьдесят процентов.

2147 год. Человечество пережило Коллапс Близорукости и теперь живёт с оглядкой на будущее — в прямом смысле.

Пролог

Когда в 2098 году последний банк отказался принимать «облигации поколений», никто не думал, что это начало конца. Правительства десятилетиями брали кредиты под ресурсы, которые ещё не были добыты. Финансовые пирамиды строились не на нефти или золоте — на самом времени. К середине века долг перед потомками составлял в пересчёте на реальные активы около шестидесяти поколений человеческой жизни, прожитых взаймы.

Ожидаемо пирамида рухнула.

Это не напоминало войну или природный катаклизм. Скорее — агонию, растянувшуюся на десятилетия. Сначала исчезли привычные продукты: бананы, кофе, мясо, молоко. Потом отключили кондиционеры в публичных зданиях — энергия стала слишком дорогой. К 2100 году средняя температура на экваторе достигла шестидесяти градусов в тени, и климатические миграции перекроили карту мира быстрее

всех войн двадцатого века. Общество не просто беднело — оно теряло способность думать дальше завтрашнего дня. Отсюда и название, данное историками: Коллапс Близорукости.

Выжившие запомнили главный урок: жить только сегодня — значит убивать завтра. И когда на руинах прежних государств начали строить новую цивилизацию, её основатели пошли на шаг, прежде немыслимый. В 2123 году в Женеве в четвёртый раз в истории собралась конференция, чтобы переписать правила жизни на планете. Так появился Четвёртый Женевский Протокол.

Суть его оказалась проста: ни одно решение, способное повлиять на срок жизни больше одного поколения, не может быть принято без учёта интересов тех, кто ещё не родился. Демократия сохранилась — парламенты, выборы, президенты, — но над ней воздвигли контрольный орган с абсолютным правом вето. Департамент перспективной этики — ДПЭ. Орган, не имеющий права на ошибку.

К 2147 году ДПЭ превратился в самую влиятельную и самую загадочную структуру на планете. Штаб-квартира его находилась в Женеве, филиалы опутывали все континенты. Департамент не строил дорог, не запускал ракет — он только говорил «нет». И это «нет» служило опорой существующего мира. В основании его лежали два инструмента, о которых простые жители почти ничего не знали.

Первый — Квантовый трибунал, суперкомпьютер, способный симулировать миллиарды вариантов будущего для

любого законопроекта. Если в шестидесяти процентах симуляций и более закон наносил вред потомкам, Трибунал выносил вердикт: «Вето». Почему шестьдесят? Такова была политическая сделка первых дней существования ДПЭ. Учёные предлагали девяносто, лоббисты настаивали на пятидесяти одном. Сошлись на компромиссе, который с тех пор не пересматривали. Шестьдесят процентов стали сакральным числом — границей между дозволенным риском и преступлением перед будущим.

Второй инструмент назвали «Цифровой эмпатией». Эффект достигался с помощью чипа размером с рисовое зерно, который вживлялся в височную долю специально обученных агентов. Нейроинтерфейс — сочетание импланта и прижизненной генной модификации — выпускал в мозг тысячи нановолокон из углеродных нанотрубок. Они оплетали нейроны и создавали искусственные синаптические мосты. Модификация, проведённая ещё в подростковом возрасте, заставляла астроциты — глиальные клетки — вырабатывать особый белок-буфер. Он подавлял апоптоз, самоуничтожение нейронов, при сверхактивации. Имплант не предсказывал будущее — он заставлял человека прожить его, транслируя сенсорные данные из квантовых симуляций напрямую в соматосенсорную кору и миндалевидное тело мозга. Агент чувствовал боль, страх, голод, отчаяние — всё, что предстояло пережить потомкам через столетия.

Но чтобы агент не рассыпался после первого же сеанса,

в нейроинтерфейс встроили механизм «когнитивной упругости» — квантово-усиленный протокол обратной связи. Во время погружения чип анализировал плотность возбуждения нейронов и в реальном времени перенаправлял избыточные импульсы в виртуальные буферные кластеры. Там они «отстаивались» — как конденсатор сглаживает пульсации тока. Дополнительно каждую ночь генетически модифицированные астроциты синтезировали ферменты, разрушавшие накопившиеся стрессовые пептиды. Теоретически этого хватало на десять-пятнадцать лет службы. Практически — каждый сеанс оставлял микрошрамы в синапсах, и с каждым годом буферные кластеры заполнялись всё быстрее. «Упругость» даже самого гибкого мозга имела предел.

Как становились агентами? По слухам, в ДПЭ набирали приговорённых к смерти преступников или сирот, которых с детства готовили в закрытых интернатах. Или добровольцев, сошедших с ума на почве вины за гибель планеты.

Правда была проще и жестче.

Кандидатов находили по всему миру через массовый генетический скрининг — забор крови у детей в школах. Если обнаруживался нужный генотип, с ребёнком начинали работать: специальное образование, этические тренинги, постепенная психологическая подготовка. Никакого насилия — только добровольное согласие по достижении восемнадцати лет. Отказывались редко. Слишком привлекательным выглядело предложение: служение человечеству, доступ к самым

засекреченным знаниям и — что скрывать — власть, которая не снилась обычным чиновникам.

Была, конечно, и цена. За пятнадцать-двадцать лет службы эмпатическая нагрузка выедала личность так, что даже «упругий» мозг начинал давать трещины. Агенты страдали бессонницей, деперсонализацией, «теневыми воспоминаниями» — когда человек переставал отличать собственную память от пережитого в симуляциях. Многие умирали в психиатрических клиниках, некоторые совершали самоубийства.

Поэтому за глаза агентов ДПЭ называли «трусами с отсрочкой».

Одним из таких трупов был и Артём Келлер, тридцатидвухлетний агент, сидевший сейчас в своей женеvской квартире и пытавшийся собрать осколки собственного сознания после очередного сеанса.

Часть 1. Вкус пустого бульона

Утро понедельника началось для Артёма так же, как последние шестнадцать лет: с чужой боли. Имплант, активированный ещё во сне, стравливал остаточные заряды из буферных кластеров. Квантовые протоколы «когнитивной упругости» понемногу освобождали память, перегоняя пережитые стрессы в разряды, которые нервная система могла утилизировать. Но процесс никогда не проходил чисто. Артём чувствовал, как нановолокна в височной доле мелко вибрируют, сбрасывая пиковые напряжения; гипоталамус захлёстывали запоздалые сигналы голода, усталости и тупого, безысходно-

го страха — эхо чужой жизни, которое никакой буфер не мог подавить полностью. Он проснулся с ощущением, будто лёгкие забиты пеплом, а во рту стоит металлический привкус несуществующей крови.

Пару минут Артём лежал, глядя в потолок, затем привычно вдавил сенсор на левом виске. Имплант мелодично пискнул, прогоняя «теневые ощущения», но полностью очистить нервную систему от пережитого не мог. Какие-то крохи всегда оставались, и с каждой симуляцией их становилось больше. Профессиональная деформация.

Он встал, прошёл на кухню и заварил чай — настоящий, не синтезированный, одна из привилегий агента ДПЭ.

В ванной бросил взгляд в зеркало. На него смотрел высокий, рано осунувшийся мужчина с тёмными кругами под глазами и сединой на висках. В тридцать два он выглядел на сорок пять. Обычное дело для агента со стажем.

Чай оказался горьким и обжигал горло, но хотя бы возвращал сознание в реальность.

Артём вспомнил пятничный сеанс. Законопроект о рыболовецких квотах в Северной Атлантике — мелкая, рутинная работа. Имплант, как всегда, не щадил. Он прожил четыре года в теле рыбака из прибрежного посёлка в 2215 году — когда рыба исчезла совсем. Помнил вкус пустого бульона, сваренного из водорослей и костной муки. Помнил, как «внучка» в том таймлайне, девочка лет семи, смотрела на него запавшими глазами и просила есть. И он ничего не

мог ей дать.

Таковы были правила «Цифровой эмпатии»: агент не мог изменить симуляцию, только прожить её. Ты — свидетель, а не спасатель. Но мозг каждый раз пытался что-то исправить, и от этого бессилия становилось хуже всего.

Трибунал выдал семьдесят восемь процентов негативных исходов — истощение популяции, коллапс экосистем, голод в приатлантических регионах через тридцать лет. Артём подтвердил: вето необходимо. Проект отправили в корзину. Очередное «нет» в бесконечной череде «нет». Тогда он ещё не знал, что это вето, возможно, было несправедливым.

Коммуникатор замигал, и на голографическом экране всплыло сообщение от директора Исаковой: «Келлер, жду в Трибунале к 10:00. Проект “Заря”. Срочно».

«Заря». Артём замер с кружкой в руке. Он знал этот проект. Одно из самых масштабных геоинженерных вмешательств за всю историю: распыление аэрозолей в стратосфере для отражения солнечного света и охлаждения планеты. Мир задыхался от жары. В тропиках гибли целые регионы. «Заря» стала спасательным кругом, за который ухватились правительства. Но Департамент пока не давал добро. И неспроста: вмешиваться в климат — всё равно что делать операцию вслепую. Артём знал регламент: для крупных проектов планетарного масштаба требовались отчёты десяти агентов-профессионалов. После их заключения у Комитета будет ровно сорок пять дней, чтобы наложить вето. Потом

«Заря» уйдёт в межправительственный совет, который обязательно её запустит, и ДПЭ потеряет контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.